

ЛАМЕТРИ

Хачик Нишанович Момджян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.152-172

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие
Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века
Фонтенель
Мелье
Монтескье
Вольтер
Руссо
Ламетри
Дидро
Гельвеций
Гольбах
Вольней
Маршалль
Французский материализм — один из идейных источников утопического социализма и коммунизма XIX века
Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Жюльен Офре де Ламетри является одним из выдающихся представителей французского материализма XVIII века. Высокоодаренный ученый, один из наиболее образованных людей своего времени, человек, наделенный качествами неутомимого и неустрашимого бойца, Ламетри много сделал для всесторонней критики религии и идеализма, для обоснования научно-атеистического мировоззрения.

Обширные и глубокие естественнонаучные знания Ламетри, врача по образованию и профессии, позволили ему подвести под французский материализм XVIII века прочную естественнонаучную основу, теснее связать его с науками о природе и человеке.

По определению Маркса и Энгельса, «механистический французский материализм примкнул к физике Декарта, в противоположность его метафизике... Врач Леруа кладет начало этой школе, в лице врача Кабаниса она достигает своего кульминационного пункта, врач Ламетри

является ее центром»¹. Фундаментальные знания Ламетри в области естествознания, его исследования биологической сущности жизни, живых организмов, физиологии человека, структуры и функционирования человеческого мозга и т. д. позволили подкрепить материалистическое решение проблемы материи и сознания неопровержимыми естественнонаучными аргументами, заменить умозрительные догадки и предположения о душе, сознании, ощущениях и понятиях научно обоснованными положениями. Многие идеи Ламетри о единстве материи и сознания, о первичности материального и вторичности духовного нашли свое дальнейшее развитие и обоснование в трудах Дидро, Гельвеция и Гольбаха.

Ламетри родился 25 декабря 1709 года во Франции, в городе Сен-Мало, в семье богатого торговца. Отец будущего философа, желая создать сыну почетное и обеспеченное будущее, готовил его к духовному сану. Нетрудно представить радость отца, когда 15-летний Жюльен написал весьма премудрую богословскую работу по янсенизму. Вероятно, отец не очень разбирался в замысловатых писаниях своего сына, но одно ему было ясно: мальчик сделает хорошую карьеру, станет видным духовным лицом². И никто, очевидно, в те годы не мог предположить, что очень скоро молодой Ламетри начнет испытывать смертельную скуку от богословских премудростей, а со временем станет одним из самых смелых и опасных врагов религиозного мировоззрения и духовенства.

Занятия богословием заронили в сознание Ламетри первые сомнения в достоверности и правдоподобности богословской схоластики и обусловили его растущий интерес к научному знанию. Теперь молодой Ламетри ответов на волнующие его вопросы бытия и познания начал искать не в священных книгах, не в богословских трактатах, а в работах по физике, анатомии, медицине, в философии, освобожденной от схоластики, идеализма и мистики.

Окончив парижский коллеж д'Аркур, Ламетри высказал твердое желание заниматься медициной. Говорят,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 140.

² Подробнее о жизни и творчестве Ламетри см.: Богуславский В. М. Предисловие. — Ламетри Ж. О. Сочинения. М., 1976; его же. Ламетри, М., 1977.

известный врач Юно убедил старого купца, что практика врача приносит не меньше дохода, чем отпущение грехов. Завершив курс медицинского обучения в Париже, Ламетри стал врачом.

Многие другие сочли бы карьеру сделанной и зажили бы спокойной и обеспеченной жизнью. Но иным был выбор Ламетри. Не богатые заработки влекли его к медицине, а любовь к науке, искреннее и благородное желание в меру своих сил и дарований обогатить, совершенствовать ее, разгадать многие еще не разгаданные тайны.

Работа врачом сначала в Реймсе, а затем в Лейдене позволяет Ламетри расширить познания в области естественных наук и медицины. Исключительно важное значение для Ламетри имело общение со знаменитым в свое время нидерландским ученым-врачом Германом Бургава (1668—1738). Специалист в области ботаники и химии, Бургава был основателем первой научной клиники, сочетал поиски в области медицины с поисками в других отраслях естественных наук, выдвигал теоретические положения и гипотезы, способные обосновать передовые взгляды также и в области философии. Общение с этим выдающимся ученым, изучение его трудов оставили глубокий след в духовном развитии Ламетри.

В Лейдене врачебную практику Ламетри сочетает с литературными занятиями, переводит произведения Бургава на французский язык, пишет свои первые работы по медицине.

Вернувшись в 1735 году в родной город, будущий философ продолжает работать врачом, ведет научно-исследовательскую деятельность, публикует не только труды Бургава, но и свои собственные работы по медицине. Ламетри изучает философские труды Декарта, Локка, других видных философов, передовые взгляды которых должны были сыграть и сыграли исключительно важную роль в формировании философских взглядов самого Ламетри и других французских материалистов XVIII века. Материалистическая физика Декарта, правильно истолкованный сенсуализм Локка позволяли выработать философское мировоззрение, способное объяснить мир, не прибегая к религии и мистике, к сверхъестественным первопричинам и феноменам.

В 1742 году по неуточненным причинам Ламетри вновь покидает свой родной город, чтобы переехать в Париж, где работает военным врачом, принимает уча-

стие в боевых действиях французской армии, участвует в битве при Фонтенуа (1745).

Вскоре, однако, Ламетри получает возможность продолжать свои исследования в области медицины. Он смело выступает против всего устаревшего, антинаучного, практикует новые методы лечения, отвергая и осмеивая шарлатанские приемы, которые в ту эпоху имели достаточно широкое распространение в медицине.

Понятно, что подобная деятельность не могла не вызвать соответствующую реакцию ретроградов. Они травлили, преследовали Ламетри. Неучи и шарлатаны от медицины пытались очернить и осмеять смелого новатора. Но это были еще не самые опасные враги. Впереди Ламетри ожидали более суровые испытания и тяжкие невзгоды.

Увлеченно занимаясь научной работой в области медицины, такой пылкий и смелый исследователь, как Ламетри, должен был рано или поздно дать недвусмысленный ответ на вопрос: что такое человеческая душа, каково ее происхождение, каковы отношения между телом и душой?

В 1745 году вышла первая философская работа Ламетри «Естественная история души». Не испугавшись новых, более суровых гонений, Ламетри бросил едва замаскированный вызов такому грозному и беспощадному врагу, как католическая церковь. Он осмелился развивать и защищать идеи, которые не только ничего общего не имели с религиозными догмами, но и были их полным отрицанием и осмеянием. Философ пытался, опираясь на данные естественных наук, исключить идею субстанциональной природы души, духовных явлений, найти физические, химико-биологические основы происхождения и развития человеческого сознания, объяснить последнее как специфическое свойство особо организованной материи. Книга Ламетри, несмотря на благочестивые оговорки, не оставляла места для бога и для идеи о бессмертии души. Ламетри не побоялся привести слова знаменитого древнеримского атеиста Лукреция Кара о том, что душа умирает вместе с телом.

Для Ламетри начались трудные времена. Его лишили работы, начали беспощадно травить и оскорблять. О «греховном богохульнике» сочинялись всевозможные небылицы — одна гнуснее другой, ретрограды требовали беспощадной расправы с ним. Некоторые «друзья» со-

ветовали Ламетри отказаться от своих идей и покаяться всенародно.

Философ не пал духом, не дрогнул. Он был далек от мысли отречься от своих научных убеждений. Он писал, что для него легче отправиться в Бастилию, чем ценой притворства и унижения удостоиться похвалы теологов. Тщательно скрывая свою фамилию, Ламетри в ответ на травлю мракобесов умудрялся издавать свои работы, поражавшие ханжей, лжеученых, шарлатанов от медицины, как сабельные удары. Но Ламетри был еще одинок. Он справедливо сравнивал себя с кораблем, который, охваченный жестоким штормом, ведет отчаянную борьбу, чтобы одолеть противоборствующие ветры и доплыть до желанного берега.

На родине невозможно было оставаться. Ламетри переехал в Гент, принадлежавший тогда Австрии. Но враги не собирались оставлять в покое ненавистного богборца и разоблачителя лжеученых. С целью погубить Ламетри они обвинили его в шпионской деятельности. Философ вновь был вынужден бежать — на этот раз в Голландию, в Лейден, где находили тогда приют многие мыслители, гонимые своим правительством и католической церковью.

В 1747 году Ламетри под вымышленной фамилией опубликовал известное произведение «Человек-машина». В этой работе в более развернутой форме, а также более систематично он изложил свои материалистические и атеистические взгляды. Мы еще вернемся к оценке книги Ламетри; здесь же отметим, что в этом произведении автор систематизировал и углубил свои естественнонаучные взгляды на человека, на его возникновение и развитие. Многие из аргументов Ламетри ныне не выдерживают критики в свете современных научных знаний. Но в главном и существенном Ламетри оказался прав: имеются все основания объяснять возникновение и функционирование человеческого организма без всяких апелляций к вымышленным сверхъестественным силам. Человек — продукт многовековой эволюции, которая имеет свои естественно-необходимые причины. Человек — творение не бога, а самой природы, ее необходимых, естественных, вполне объяснимых человеческим разумом и опытом законов. Вне всякого сомнения, автор работы «Человек-машина» явился одним из ранних представителей эволюционной теории.

Скоро стало известно, что «мерзкая книга» написана Ламетри. Вымышленное имя не спасло автора. На этот раз против воинствующего философа-атеиста поднялось не только католическое духовенство, но и все остальные. Без денег и пищи, под покровом ночи знаменитый ученый должен был бежать и из Голландии. Реакционные церковные газеты и журналы разразились бранью в адрес «врага бога и людей». Вспоминая это тяжелое для него время, Ламетри писал: «...чего только не говорили и не писали по моему адресу! Каких только криков не испускали ханжи, врачи и даже больные, принимающие сторону лечащих их шарлатанов! Сколько было горьких жалоб со всех сторон! Найдется ли редактор журнала, который бы отказал в «почетном» убежище моим клеветникам или, вернее, не был бы в их числе? Есть ли хоть один низкий газетный писака в Геттингене и даже в Берлине, который не был бы готов растерзать меня на части?»³

«Жертва теологов и дураков»⁴ нашел приют у прусского короля Фридриха II, который в ту пору выдавал себя за «просвещенного монарха» и до поры до времени в рекламных целях оказывал покровительство гонимым французским королем и духовенством мыслителям. В Пруссии Ламетри неутомимо продолжал свою деятельность. Здесь, вдали от родины, Ламетри опубликовал работы «Человек-растение» (1748) и «Система Эпикура» (1751), в которых его материализм и атеизм нашли достаточно полное выражение. По свидетельству современников и биографов, Ламетри был благодарен Фридриху II за оказанный приют, за возможность опубликовать работы, но не скрывал желания вырваться из «королевских объятий» и «хотя бы пешком» вернуться во Францию.

Ламетри внимательно следил за деятельностью Вольтера и других просветителей во Франции. Знал он и о работах Дидро, о его первых шагах к материализму и атеизму, о его заключении в Венсенский замок. Ламетри просил Вольтера раздобыть разрешение на въезд во Францию. Мечта Ламетри не осуществилась. Но и вдали от родины он оставался деятельным творцом французского материализма и атеизма XVIII века.

³ Ламетри Ж. О. Сочинения, с. 483.

⁴ Выражение Фридриха II.

На одном из званых обедов Ламетри отравился недоброкачественной пищей и умер. И в последние часы жизни Ламетри не утратил научную любознательность: он решил вместо обычных и не очень трудных средств избавления от пищевого отравления испытать на себе новые приемы борьбы против недуга. Своей смертью философ обнаружил непригодность этих приемов.

О степени ненависти реакционеров к Ламетри можно судить по циничному их ликованию в связи с гибелью выдающегося и непреклонного философа-материалиста. Они не постеснялись распусть слухи о вымышленных причинах его смерти и представить дело таким образом, будто в страхе расплаты за тяжкие грехи Ламетри решил покаяться и «завещал» уничтожить свои «греховные писания». Это было грязным и беззастенчивым обманом.

Рассказывают, что некий священник Мак-Магон неуслыпно караулил у двери философа, желая воспользоваться минутной слабостью умирающего и добиться от него отречения от своих атеистических работ. Но ожидания святоши оказались напрасными. Ламетри остался непоколебимым даже на смертном одре и не изменил своим убеждениям.

Из богатого философского наследия Ламетри мы выделим некоторые мысли и рассуждения, посвященные естественнонаучному обоснованию материализма и атеизма. Как и другие французские материалисты XVIII века, Ламетри отталкивался от передовых философских идей XVII и начала XVIII века⁵. Особое значение для него имело наследие Декарта. Ламетри высоко оценивал физику Декарта с ее явно выраженным материализмом. Ламетри не мог не восхищаться достижениями Декарта в области физики, математики, физиологии. Ему импонировала критика Декартом схоластики, защита рационалистического метода, признание неограниченных возможностей человеческого интеллекта в познании мира.

⁵ Мы не располагаем данными о влиянии Мелье на формирование философских, атеистических убеждений Ламетри. Он знал о Мелье, о его «Завещании». Но нигде Ламетри не отмечает связь своих идей с идеями Мелье. Трудно это объяснить цензурными соображениями, ибо последнего уже не было в живых. Отметим, что цензурные соображения не мешали Ламетри ссылаться на Вольтера и Дидро.

Но если «в своей *физике* Декарт наделил материю самостоятельной творческой силой и *механическое* движение рассматривал как проявление жизни материи»⁶, то в области метафизики позиции Декарта иные. Здесь он апеллирует к богу как к силе, сотворившей материю и наделившей ее постоянным количеством движения и покоя.

В этом пункте в первую очередь намечаются расхождения между Декартом и Ламетри. Последний последовательно отстаивает мысль, согласно которой материя имеет своим атрибутом не только протяженность, пространство, но и движение. А вечная, неуничтожаемая, находящаяся в постоянном движении материя способна породить все многообразие мира, не нуждаясь в божественном содействии и помощи. Материя не нуждается ни в каких деистических первотолчках, ибо нет движения без материи, как и нет материи, которая не находилась бы в состоянии движения, перемещения, изменения, перехода от одного качественного состояния к другому. «... Материя, — пишет Ламетри, — содержит в себе оживляющую ее движущую силу, которая является непосредственной причиной всех законов движения»⁷.

Материя у Ламетри, как и у его философских единомышленников Мелье, Дидро, Гельвеция и Гольбаха, родственна по существу Спинозовской субстанции, освобожденной, конечно, от всех деистических привесок. Воспроизводя свое понимание Спинозовской субстанции, Ламетри пишет: «... существует всего только одна субстанция, потому что субстанцией можно назвать только то, что является вечным, независимым от всякой высшей причины, то, что существует само по себе и в силу необходимости»⁸.

Мы уже отметили, что, согласно Ламетри, признание движения имманентным свойством материальной субстанции способно объяснить возникновение и развитие всех без исключения вещей и феноменов, не исключая также все сложнейшие психические явления. Самое сложное существо — человек может и должен быть объяснен исходя из принципа развивающейся материи.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 140.

⁷ Ламетри Ж. О. Сочинения, с. 73.

⁸ Там же, с. 174.

Следует особо отметить одну весьма серьезную особенность подхода Ламетри к проблеме материи и движения. Не освободившись от механистического толкования многих явлений, в том числе и биологических, Ламетри тем не менее был далек от отождествления движения с одной лишь его формой — перемещением тел в пространстве. Можно с уверенностью сказать, что Ламетри близко подходил к мысли, что движение, философски понятное, есть изменение вообще, переход из одного состояния материи в другое, возникновение нового или исчезновение того, что существовало.

Ламетри высказал важную диалектическую мысль, согласно которой субстанция имеет постоянную «способность к движению, даже когда не движется»⁹. Позднее Дидро более категорично высказал эту же мысль, заявив, что в движении находится и тело, которое не перемещается в пространстве. И у Ламетри, и у Дидро положение, согласно которому под движением нужно понимать развитие, изменение вообще, стало методологическим принципом рассмотрения мира как претерпевающего непрерывные количественные и качественные изменения.

Руководствуясь стихийно-диалектическим пониманием движения, Ламетри воспроизводил весьма динамичную картину мира, констатировал относительность, подвижность граней между вещами, которые не отделены друг от друга непроходимыми крепостными валами. Из неживой, неорганической материи при определенных условиях возникла живая материя, наделенная принципиально новыми качествами. Мы будем иметь еще возможность отметить отрицательное отношение Ламетри к идее неизменности видов животных и растений.

Дорожа идеей единства материи и движения, Ламетри многократно возвращается к критике картезианских попыток связать материальную субстанцию лишь с протяженностью, чтобы вслед за этим обращаться к религиозно-мистическим причинам для приведения в движение материи, объяснения многообразия мира, наблюдающейся в нем причинности, закономерности, относительной целесообразности и т. п. Принцип движущейся материи, точнее, принцип ее самодвижения считался Ламетри достаточным, чтобы разгадать много-

вековую загадку возникновения человеческого сознания, загадку человеческой души.

Ламетри исключал мысль о том, что ощущение является всеобщим свойством материи. Видимо, Ламетри боялся сделать какую-нибудь уступку гилозоизму — всеобщему одухотворению материи. Он полагал, что способность ощущать и мыслить возникает на определенных ступенях развития материального мира. Основной тезис Ламетри по этому вопросу гласит: ощущение — благоприобретенное свойство материи, не материи вообще, а органической, живой материи.

Нельзя умолчать, что временами Ламетри, как бы размышляя сам с собой, допускает и другую возможность — единовременное возникновение материи и ее способности ощущать. Он пишет: «Душа и тело были созданы одновременно, словно одним взмахом кисти. По словам одного имевшего смелость мыслить крупного богослова¹⁰, они были брошены в одну и ту же форму для отливки»¹¹. Временами Ламетри склонен признать, что у него нет окончательного ответа на вопрос: не является ли ощущение имманентно присущим свойством материи? «... Нам, — пишет Ламетри, — не известно, обладает ли материя сама по себе непосредственной способностью чувствовать или же только способностью приобретать ее посредством модификаций или принимаемых ею форм, ибо несомненно, что эта способность обнаруживается только в организованных телах»¹². В последующих своих размышлениях французский мыслитель склоняется к мысли, что способность к ощущению возникает с позднейшим возникновением живой, органической материи.

Со всей категоричностью Ламетри вслед за Локком отверг учение о врожденных идеях. Идей в готовом виде не даны человеку. Они постепенно формируются у него под влиянием внешней среды, опыта, познавательной активности. В своих суждениях в защиту материалистического сенсуализма Ламетри не оставил места для «внутреннего опыта» Локка, справедливо полагая, что это допущение может исказить принцип материалистического сенсуализма. Вооружившись естественнонаучны-

¹⁰ Речь идет о Тертуллиане.

¹¹ Ламетри-Ж. О. Сочинения, с. 65.

¹² Там же, с. 75.

⁹ Там же, с. 71.

ми данными, экспериментальными выводами современной ему физиологии, психологии, медицины и т. д., Ламетри обосновывал философскую мысль о том, что нет ничего в разуме, что первоначально не было бы дано в ощущениях. Последние порождаются воздействием материальных вещей на органы чувств человека. Материя, следовательно, первична, ощущения производны, вторичны.

В литературе о Ламетри встречаются отдельные констатации, согласно которым философ, признавая первичность, объективность материального мира, порой выражал сомнения в возможности его адекватного познания. Эти упреки в агностических колебаниях делались на основании того, что, по Ламетри, ощущения порой способны ввести нас в заблуждение, помешать составить правильные представления об объективном мире, о его внутренней сущности и закономерностях развития.

Не приходится отрицать, что, сталкиваясь с весьма сложными научными проблемами, Ламетри порой задумывался над тем, способен ли человеческий разум добиться полного освещения этих проблем. Но справедливость требует констатировать, что эти отдельные колебания, сомнения никогда не превращались у Ламетри в концепцию, принципиально отрицающую силу человеческого разума в раскрытии тайн природы. Вера во всемогущество человеческого интеллекта, восторженный теоретико-познавательный оптимизм являются отличительными чертами философии Ламетри.

Мы уже отметили: французский философ признавал, что чувственные ощущения способны ввести нас в заблуждение. Но что отсюда следует? Лишь то, что человек должен проверять, уточнять данные чувственного познания. Если это условие соблюдено, то ощущения являются верным ориентиром. «...Нет более надежных руководителей, — писал Ламетри, — чем наши чувства. Они являются моими философами. Сколько бы плохого о них ни говорили, одни только они могут просветить разум в поисках истины; именно к ним приходится всегда восходить, если всерьез стремиться ее познать»¹³.

Столь высокая оценка роли ощущений в познавательном процессе ничуть не умаляет значения разума,

мышления. Лишь мышление, обобщив данные ощущений, способно воспроизвести целостную картину вещей, явлений, проникнуть в их суть, воспроизвести закон их бытия и развития. Но эту сложную свою задачу разум может выполнить в тесной связи с ощущением. «...Мысль, — утверждает Ламетри, — представляет собой только способность чувствовать... мыслящая душа есть не что иное, как чувствующая душа, устремленная на созерцание идей и на рассуждение»¹⁴.

Много внимания уделил Ламетри такому феномену, как память. Без этой функции разума, утверждал Ламетри, был бы невозможен процесс познания, деятельности, невозможно само существование человека.

Как естествоиспытатель Ламетри попытался обосновать основные положения своей теории познания экспериментальными данными физиологии, психологии, анатомии, медицины и т. д. Конечно, в этих рассуждениях философа, в его научной аргументации многое устарело. Но стремление Ламетри экспериментально обосновать сущность ощущений, памяти, мышления содействовало укреплению исходных положений материалистической теории познания. Стремление органически связать передовую философию с достижениями естественных наук вступало в кричащее противоречие с вековыми традициями идеалистической, мистической философии, которая отождествляла себя со схоластикой, с априорным лжемудрствованием. Ламетри, как и другие французские материалисты XVIII века, не поднялся до научного понимания общественной практики как основы и критерия истины, но он достаточно ясно осознавал бесплодность философии, отвернувшейся от естественных наук, от опыта, от экспериментов. «Для того чтобы продвигаться вперед по пути истины, — писал Ламетри, — нужен совершенно другой способ поведения. Нужно старательно идти нога в ногу с природой, опираясь, по выражению маркизы дю Шатле, на посох наблюдения и опыта»¹⁵.

Ламетри много сделал для того, чтобы демистифицировать процесс познания, показать механизмы возникновения чувственных ощущений, их переход в представления и понятия. Конечно, на уровне знаний своего века он не мог объяснить с достаточной основательно-

¹³ Там же, с. 65.

¹⁴ Там же, с. 235—236.

¹⁵ Там же, с. 169—170.

стью механизмы сложнейших психических явлений. Ламетри это хорошо понимал и рассчитывал, что будущие поколения философов, ученых воспроизведут во всех деталях процесс мышления. Все дело во времени, а пока, опираясь на достижения научных знаний своего времени, он отстаивал материалистическое объяснение процесса познания, материалистически решал проблему бытия и мышления.

Характеризуя роль Ламетри в изгнании идеализма и мистики из учения о психике, профессор В. М. Богуславский пишет: «Главное для автора «Человека-машины» — доказать, что психика человека, так же как и психика животных, ничего сверхъестественного, мистического в себе не содержит, что ее носитель не нечто таинственное, нематериальное и божественное, а вполне доступные исследованию мозг и нервы, что человек близок к высокоорганизованным животным, от которых он произошел, и что он часть природы, ступень в развитии материи»¹⁶.

Французский мыслитель часто прибегал к термину «отражение», чтобы воспроизвести взаимоотношения бытия и сознания. Бытие отражается в сознании. Ламетри, естественно, не уловил диалектику этого процесса, но тем не менее не ограничился понятием упрощенного зеркального отражения. Мозг «перерабатывает», классифицирует, синтезирует чувственные отражения, с тем чтобы в точности воспроизвести объект, нашедший свое отражение на «мозговом экране». Ламетри писал: «... суждение, размышление и память представляют собой вовсе не абсолютные части души, но настоящие модификации своеобразного «мозгового экрана», на котором, как от волшебного фонаря, отражаются запечатлевшиеся в глазу предметы»¹⁷. Сходная идея выражена также в другом образном сравнении Ламетри: «Подобно тому как скрипичная струна или клавиша клавиатуры дрожит и издает звуки, так и струны мозга, по которым ударяли звучащие лучи, придя в возбуждение, передавали или повторяли дошедшие до них слова»¹⁸.

Итак, мозг выполняет сложные процессы отражения, воспроизведения внешних объектов. Нужно особо подчеркнуть, что Ламетри по достоинству оценил роль язы-

ка в процессе мышления, близко подошел к идее единства мышления и речи.

Ламетри четко противопоставлял основные направления в философии — материализм и идеализм. Со всей убежденностью и страстностью он отстаивал материализм и столь же решительно отвергал систему идеализма, спиритуализма. «Все философские системы, рассматривающие человеческую душу, — писал Ламетри, — могут быть сведены к двум основным: первая, более древнего происхождения, есть система материализма, вторая — система спиритуализма»¹⁹. Давая оценку своим собственным трудам, Ламетри с гордостью подчеркивал, что он их писал как гражданин, как философ, и добавлял: «Но писать как философ — это ведь значит проповедовать материализм! Ну так что же? Что за беда! Если этот материализм обоснован, если он — очевидный результат всех наблюдений и опытов величайших философов и врачей; если к этой системе приходят, лишь внимательно следуя за природой и старательно продельвая вместе с ней одни и те же шаги на всем протяжении животного царства и, так сказать, исследуя человека при помощи зонда во всех его возрастах и состояниях... Разве, в самом деле, истина не заслуживает того, чтобы склониться и поднять ее?»²⁰

Ламетри гордился своей материалистической философией, считал ее важнейшим фактором восходящего развития человечества. Он, естественно, ничуть не ошибался в этих оценках освободительной миссии материалистического мировоззрения. Хорошо понимая роль естественных наук в развитии материалистической философии, Ламетри не забывал подчеркнуть в свою очередь значение передовой философии для правильного решения задач, стоявших перед естественными науками. Временами, несколько переоценивая роль философии, он склонен был считать ее «царицей наук». Так, он призывал развивать философию, считая ее «ключом для всех остальных наук»²¹.

Ламетри подчеркивал не только роль философии для успешного развития естественных наук, научной мысли вообще, но и для борьбы против неразумных, неспра-

¹⁶ Богуславский В. М. Предисловие. — Ламетри Ж. О. Сочинения, с. 76.

¹⁷ Ламетри Ж. О. Сочинения, с. 210.

¹⁸ Там же, с. 208.

¹⁹ Там же, с. 193.

²⁰ Там же, с. 471.

²¹ Там же, с. 494.

ведливых, бесчеловечных общественных порядков, лишенных права на существование. «При виде таких противоречий, — писал Ламетри, — как не воскликнуть вместе с поэтом-философом:

Ужель всю жизнь я видеть обречен,
Как неустойчивы душой французы,
Как не в ладу их нравы и закон
И как, закован в суеверья узы,
Народ вкушает сон!»²²

Материализм Ламетри, не исключая глубоких диалектических мыслей, в целом не избавился и не мог в ту историческую эпоху избавиться от механицизма и метафизичности. Эти существенные недостатки дают о себе знать в суждениях Ламетри о человеке, о его ощущениях, о его организации, во многих других проблемах, которые фигурируют в трудах французского мыслителя. Но мы не можем забывать, что метафизический и механистический материализм был важным, прогрессивным этапом в становлении последовательно научной философии. Он успешно сражался против идеалистической, мистической философии, обладал большими потенциями для ведения развернутой атаки против господствующей феодально-клерикальной идеологии, против религии и церкви, защищавших реакционные феодальные отношения, деспотическую королевскую власть.

Исключительно велико значение работ Ламетри, в которых он сделал смелую попытку с естественнонаучных, материалистических позиций объяснить такие сложные проблемы, как возникновение жизни, живых организмов. Ламетри предполагал, что в силу каких-то физико-химических процессов на Земле возникли простейшие живые организмы, наделенные чувствительностью, способностью роста и передвижения. На протяжении бесчисленного количества веков шел процесс усложнения живых организмов, включая и растительные.

Какая же сила вызвала к жизни и к совершенствованию эти организмы? Естественно, у Ламетри не было точного ответа на этот вопрос. В одном только он совершенно не сомневался: эти организмы возникли без всякого вмешательства сверхъестественных сил по той простой причине, что последние не существуют. возникнове-

ние и усложнение живых организмов есть результат физико-химических, биологических закономерностей, почвенно-климатических условий. Такова природа материи, утверждал Ламетри, что она, находясь в процессе вечного движения, развития, изменения, способна породить и совершенствовать органические тела. В этих рассуждениях особо отчетливо сказываются стихийно-диалектические элементы в мышлении Ламетри.

«Все течет, все исчезает, и ничто не погибает»²³. Процесс существования есть процесс непрерывного изменения, возникновения новых явлений. Развитие тела не может быть сведено лишь к его перемещению в пространстве. Развитие есть количественное и качественное изменение вещей. Существовать — значит находиться в процессе изменения. Эти стихийно-диалектические элементы нашли дальнейшее свое развитие в философии Дидро.

Ламетри попытался перенести принцип вечного развития и изменения материи на живую природу. «Материи, — писал он, — пришлось пройти через бесчисленное количество всяких комбинаций, прежде чем она достигла той единственной, из которой могло выйти совершенное животное. И сколько понадобилось еще других комбинаций, прежде чем различные породы достигли того совершенства, какое они имеют в настоящее время!»²⁴

Таким образом, отвергая креационизм, согласно которому бог одновременно сотворил все ныне существующие виды живых организмов, Ламетри утверждает, что шел и идет процесс непрерывного естественного возникновения и исчезновения новых видов живых существ. Одни и те же ныне существующие виды животных и растений претерпели процесс эволюции, преобразования. Этого процесса не миновал и человек. «Сравнительная анатомия показывает нам, что человек и животное имеют одинаковые части тела, выполняющие одинаковые функции: в обоих случаях перед нами одно и то же зрелище, одна и та же деятельность. Внутренние чувства так же присущи животным, как и внешние; следовательно, они так же, как и мы, наделены всеми зависящими от этих чувств духовными способностями, а именно: восприяти-

²³ Там же, с. 406.

²⁴ Там же, с. 395.

²² Там же, с. 495.

ем, памятью, воображением, способностью суждения, рассудком, всем тем, что, как доказал Бургаве, относится к этим чувствам»²⁵.

Современный человек превзошел по своим умственным способностям всех остальных животных. Ламетри не мог еще иметь научных представлений о процессе становления человека, его интеллекта. Эта задача могла быть решена много позже. Но философ не сомневался, что этот процесс формирования человека имел естественные причины. Требовалось много времени для формирования человеческого сознания и человеческого языка. «Люди, — писал Ламетри, — говорят, но они должны понимать, что не всегда говорили. Пока они проходили курс обучения у природы, их первым языком были неартикулируемые звуки, такие же, как у животных»²⁶.

Ламетри не только уловил некоторые моменты теории эволюции. Он попытался ответить на вопрос, чем обусловлено изменение видов растений и животных, и высказал ряд идей, которые отчетливо перекликаются с теорией естественного отбора. Так, на вопрос, кто совершенствовал существующие виды, Ламетри отвечал: сама природа. Могли выжить, сохраниться и размножиться те животные, у которых не отсутствовало ничего существенного. «И наоборот, те из животных, которые были лишены какой-нибудь абсолютно необходимой части, должны были умереть или весьма скоро после появления на свет, или, во всяком случае, не произведя потомства. Совершенство не является делом одного дня — в области природы точно так же, как и в области искусства»²⁷.

Нужно согласиться с автором известной монографии о Ламетри Ж. Порицким, призывавшим отдать должное французскому просветителю, который более чем за сто лет до Дарвина напал на верную дорожку и пошел к цели, несмотря на то, что «был осмеян своими современниками, остался неизвестным и осмеянным в наше время»²⁸.

Как и другие французские просветители, Ламетри

уделил большое внимание критике религии и церкви. Он, как и его единомышленники, не выработал научной концепции возникновения религии, не сумел обнаружить ее социально-экономические корни. Как и другие французские просветители, Ламетри пытался объяснить возникновение религии лишь невежеством первобытных людей, их страхом перед грозными, неразгаданными, стихийными силами природы.

Эти исторически обусловленные ограниченности атеистических идей Ламетри не помешали ему подвергнуть религию острой и обоснованной критике. Атеизм необходимо вытекал из основополагающих философских идей французского мыслителя. Тезис о вечной, несотворенной материи, которая в своем спонтанном развитии способна породить все многообразие мира, не оставлял места для бога-творца. К этому богу часто прибегали, чтобы объяснить необъясненные, таинственные, казалось, явления. Но по мере своего безудержного развития наука рано или поздно расшифровала эти данные без всякого содействия спиритуалистических идей с позиций материализма и атеизма.

Ламетри показал софистические основы так называемых доказательств бытия бога. Философ писал: «Когда я обнаруживаю, что все доказательства существования бога имеют только видимость убедительности и способны лишь затемнить сознание, что доказательства бессмертия души только схоластичны и легковесны, что, словом, ничто не может дать нам идею о том, чего не могут ни воспринимать наши чувства, ни охватить наш слабый ум, то наши фанатичные талмудисты и наши заплесневевшие схоласты начинают кричать о мщениии, а какой-нибудь педант в брыжжах, чтобы внушить ко мне ненависть целой нации, публично называет меня атеистом»²⁹.

Нужно сказать, что все эти призывы к мести, к наказанию богохульника не испугали Ламетри. Он верил в свою правоту, ибо опирался на данные науки. Он был горд сознанием, что в какой-то мере расширил границы знания и оттеснил религиозные заблуждения. Ламетри вдохновлялся мыслью, что увеличил просвещение в обществе и «распространил в нем свет знания, сообщая о своих исследованиях и осмеливаясь разглашать то, что

²⁵ Там же, с. 423.

²⁶ Там же, с. 424.

²⁷ Там же, с. 394.

²⁸ *Poritzky J. E. Julien Offray de La Mettrie. Berlin, 1900, S. 234—235.*

²⁹ *Ламетри Ж. О. Сочинения, с. 490—491.*

всякий робкий или осторожный философ решается говорить только на ухо»³⁰.

Естественнонаучные рассуждения, доводы и выводы Ламетри о происхождении жизни и человека перечеркивали наивные религиозные сказания о божественном творце. Точно так же мысли Ламетри о единстве материи и сознания, о невозможности существования психических явлений без их материального носителя в корне подрывали религиозное учение о душе, которая может пережить своего носителя — человека. Вместе с человеком с неизбежностью умирает его душа, вся совокупность чувственно-психических феноменов, присущих данному человеку. «... Существует только одна жизнь... — писал Ламетри, — высокомерный человек лишь из присущего смертным тщеславия создал другую. Ни один благоразумный человек не будет оспаривать, что самый спесивый монарх умирает весь и без остатка так же, как и скромный подданный, и верный пес. Если угодно, это печальная истина, но лишь для тех, чьи умы вечно остаются в младенческом состоянии и на кого могут наводить страх призраки»³¹.

Рассматривая человеческий организм как своеобразную машину, перенося на него принципы механики, Ламетри утверждал, что с нарушением механических принципов, регулирующих жизнедеятельность человеческого организма, при необратимости этих нарушений машина выходит из строя. Это и есть смерть, охватывающая машину в целом: и тело и душу человека. «Душа и тело, — утверждал Ламетри, — засыпают одновременно»³², одновременно погибают. Несмотря на упрощенные попытки уподобить живой организм машине, подчинить его механическим закономерностям, вывод Ламетри о гибели психических функций вместе с гибелью физиологических функций человека был неоспорим.

Религия, по глубокому убеждению Ламетри, не только затемняет сознание людей, но и способна оправдать социальную несправедливость, власть привилегированного меньшинства над поработанным большинством, кровопролитные войны. Ламетри уделил особое внимание критике религиозной морали, показав ее иррациональный характер, ее двуличие, способность оправдать самые

антигуманные действия и одновременно со священным трепетом разглагольствовать о человеколюбии, о братстве между людьми и народами. Отвергая бездумные, злые обвинения против ученых, философов в нарушении общественного порядка своими материалистическими и атеистическими идеями, Ламетри гневно констатировал, что не ученые внесли факел раздора в свои страны: «Это сеющие смуту умы богословов принесли людям войну во имя бога мира»³³.

Как и другие французские просветители, Ламетри должен был разрушить догму, согласно которой мораль имеет право на существование, если она неотделимо связана, слита с религией, обосновывает свои нормы, отталкиваясь от велений бога, точно соблюдает предначертания религии и церкви. Короче говоря, мораль может быть только религиозной. С этой догмой была неразрывно связана другая, яростно отстаивавшаяся богословами: немисливо существование человеческого общества без религиозной морали, которая своими нормами поведения сближает, скрепляет человеческие узы, делает их частями единого целого. Из сказанного должна была вытекать мысль, что исключается возможность общества, состоящего из атеистов.

Ламетри настойчиво отвергал эти религиозные констатации. Он отстаивал идею о том, что избавленные от религии люди станут лучше, благороднее, нравственнее. Просвещенные разумом, они обретут способность крепить подлинную солидарность, согласовывать свои интересы с интересами общества.

Развивая мысли Пьера Бейля, Ламетри искал новые аргументы в защиту возможности существования общества, состоящего из атеистов. С позиций исторического идеализма Ламетри, естественно, не был в состоянии вскрыть сущность нравственности как одной из форм общественного сознания, объяснить социальное экономическими причинами существование различных систем морали. Но одно было ему ясно: возвышенная мораль должна быть связана не с религией и мистикой, а с разумом, наукой, земным толкованием происхождения и сущности человека, его гуманистического призвания. Эта светская атеистическая мораль будет основываться на уважении разумных и справедливых интересов всех и каждого.

³³ Там же, с. 479.

³⁰ Там же, с. 491.

³¹ Там же, с. 467—468.

³² Там же.

